КНЯЗЬ
Потемкинъ Таврическій.

Возмущеніе въ черноморскомъ флотѣ
29 іюня 1905 года.

Составилъ на основаніи заграничныхъ документовъ

Антонъ Горемыка.

Право перепечатки воспрещается.

Fürst
Potemkin Tawritscheski.

Der Aufruhr in der Schwarzmeerflotte
am 29. Juni 1905.

Laut ausländischen Dokumenten geschildert durch

Anton Goremyka.

Nachdruck verboten.

Berlin.
STUHR'SCHE BUCHHANDLUNG, VERLAG.
1905.

„Про

29 іюня 1905 года въ заграничной печати появились сенсаціонныя телеграммы изъ Одессы, сообщавшія, что среди матросовъ одного изъ главныхъ кораблей Черноморскаго флота вспыхнуло возстаніе. Циркулировалъ слухъ, будто матросы убили 8 офицеровъ, захватили власть въ свои руки и что часть офицеровъ высказала свои симпатіи революціонному движенію. Слухъ этотъ, какъ мы увидимъ ниже, вскорѣ вполнѣ подтвердился. Невѣроятный фактъ произвель въ Западной Европѣ сильное впечатлѣніе. Общество поняло, что Россія вновь переживаетъ критическіе дни и что положеніе правительства „колосса на глиняныхъ ногахъ“, какъ съ ироніей называютъ заграничныя газеты Россію послѣ ея неудачной войны съ Японіей, начинаетъ колебаться. Въ Европѣ прекрасно понимали, что *самодержавная* Россія сильна только до тѣхъ поръ, пока правительство можетъ опираться на штыкахъ своей арміи. Достаточно было бы, чтобы революціонное движеніе, такъ сильно охватившее страну за послѣднее время, проникло въ армію, чтобы

тронъ Романовыхъ зашатался. Строгая дисциплина и порядокъ, какъ извѣстно, не составляютъ особенность ни русской арміи ни флота. Офицеры исполняютъ свои обязанности вполнѣ механично, безъ всякаго патріотизма. Правительство это знало и когда въ прошломъ году адмиралъ Чухнинъ принялъ на себя командованіе Черноморскимъ флотомъ, то онъ издалъ свой знаменитый приказъ, въ которомъ подвергъ чрезвычайно рѣзкой критикѣ тѣ порядки, которые существовали въ Черноморскомъ флотѣ. Аттестатъ, выставленный адмираломъ Чухнинымъ, какъ морякамъ—офицерамъ, такъ и матросамъ, былъ далеко не изъ блестящихъ. Адмиралъ констатировалъ, что не достаетъ спеціальныхъ морскихъ познаній, что они не понимаютъ сигналовъ, что приказы начальства остаются непрочитанными, что офицеры пьянствуютъ, кутятъ, занимаются Богъ знаетъ чѣмъ, а не образованіемъ разумнаго кадра сознательныхъ матросовъ. Какъ на примѣръ отсутствія дисциплины въ флотѣ, адмиралъ Чухнинъ указалъ на тотъ фактъ, что однажды ночью изъ Севастопольской бухты безслѣдно пропалъ одинъ изъ миноносцевъ, изъ числа находившихся на рейдѣ. Слѣдствіе показало, что господа офицеры, которымъ было скучно оставаться на морѣ, отправились самовольно въ Ялту, гдѣ прокутили всю ночь въ публичномъ домѣ.

Можно ли удивляться, что при подобныхъ условіяхъ матросы мало-по-малу начали терять уваженіе передъ начальствомъ и что тотъ же „вольный духъ“ распространился между солдатами? Недовольные самоуправствомъ офицеровъ матросы Черноморскаго флота начали организоваться въ группы и мало по малу среди нихъ началось брожженіе, которое постепенно принимало все болѣе и болѣе агрессивный, революціонный характеръ. Объ этомъ движеніи мы находимъ интересную статью въ одномъ русскомъ журналѣ, выходящемъ заграницей и такъ какъ она до извѣстной степени выясняетъ печальной памяти одесскіе кровавые дни, то я считаю своимъ долгомъ для правильнаго освѣщенія фактовъ привести ее ниже:

„Грозное возстаніе, вспыхнувше въ черноморскомъ флотѣ, явилось блестящимъ результатомъ того боевого настроенія, которое втеченіе послѣднихъ 2-3-хъ лѣтъ было характернымъ для большинства черноморскихъ моряковъ и отмѣчалось всѣми, кому приходилось жить и работать среди флотской молодежи. Уже лѣтомъ 1903 года можно было съ увѣренностью предсказать ту роль, которую черноморскій флотъ сыграетъ въ надвигающейся революціи. Въ 1902 году тамъ впервые въ широкихъ размѣрахъ появилась революціонная литература, едва успѣвавшая удовлетворять тому громадному спросу

на нее, который сразу обозначился въ матросской средѣ. Начиная съ 1902 по 1903 годъ среди моряковъ усиленно распространялись запрещенныя изданія, но правильно поставленной, систематической агитаціонной и организаціонной работы еще не было; между тѣмъ, избытокъ стихійнаго, массоваго возбужденія искалъ выхода и проявлялся иногда въ рѣзкихъ вспышкахъ, жертвами которыхъ нерѣдко являлось ближайшее матросское начальство: случаи избіенія мичмановъ были особенно часты. Настоятельно требовалось дать какой нибудь выходъ этому возбужденію, направить его въ нормальное и благотворное русло общей организаціонной работы.

Эту задачу — первоначально сформированія смутныхъ революціонныхъ стремленій — взяла на себя революціонная группа, составившаяся въ Севастополѣ въ началѣ іюля 1903 года. Дѣла группы съ самаго начала пошли блестяще; къ августу уже насчитывалось свыше ста организованныхъ матросовъ, изъ среды которыхъ уже выдѣлилось человѣкъ 15, вполнѣ сознательныхъ энергичныхъ и горячихъ людей; они дѣятельно вели работу внутри экипажей и къ нимъ перешла вся агитаціонная работа. Раза два въ недѣлю рано утромъ въ окрестныхъ горахъ происходили собранія, на которыхъ матросы знакомились съ революціонной программой и пріемами

борьбы. Боевое настроеніе росло съ каждымъ днемъ, и организаторамъ порою стоило большихъ трудовъ удержать наиболѣе сознательныхъ и революціонныхъ моряковъ отъ выполненія пылкихъ и смѣлыхъ проэктовъ, которые они предлагали то и дѣло. Такъ, напримѣръ, въ ноябрѣ 1903 г., матросы устроили вооруженную демонстрацію въ формѣ нападенія на городъ, увѣряя, что „все уже готово“ и что они ручаются за успѣхъ. Разумѣется, что организаціонный комитетъ употребилъ все свое вліяніе, чтобы удержать этихъ горячихъ и дорогихъ дѣлу людей отъ отчаяннаго и рискованнаго шага. Благодаря необычайно счастливымъ условіямъ, — крамола пустила сразу глубокіе корни въ черноморскомъ флотѣ, и вопросъ былъ только во времени; нужно было подождать, пока взойдутъ заброшенныя въ него революціонныя сѣмена.

Въ декабрѣ 1904 года революціонную группу постигъ неожданный и полный разгромъ. Былъ взятъ Гриневскій, преданный артиллерійскими солдатами, среди которыхъ также шла работа. Вслѣдъ за тѣмъ, была отправлена въ Архангельскъ высланная въ Севастополь до приговора „Вѣра Николаевна“ — одинъ изъ наиболѣе вліятельныхъ и дѣятельныхъ членовъ революціонной группы (вліяніе ея на солдатъ было такъ велико, что артиллеристы, предавшіе Гриневскаго, *не рѣшились* выдать ее, несмотря на энергичныя

настоянія полиціи); затѣмъ послѣдовали еще аресты, и наконецъ оставшіеся два наиболѣе молодыхъ товарища, сдѣлавъ неудачную попытку освободить одного изъ арестованныхъ, скрылись изъ Севастополя, не смотря на усиленную погоню.

Такимъ образомъ, правильная работа с.-р. въ Севастополѣ прекратилась, но слѣдъ ея не затерялся и не могъ заглохнуть; пожаръ уже былъ пущенъ, и нѣтъ той силы, которая могла бы его остановить.

И пожаръ этотъ вспыхнулъ и разгорѣлся неожиданно яркимъ пламенемъ и принялъ невиданныя доселе размѣры. Отдѣльные группы матросовъ, о которыхъ я говорилъ выше, соединились въ одинъ кружокъ, который поддерживалъ сношенія съ революціонной партіей. Кружокъ этотъ рѣшилъ въ 1905 году привести въ исполненіе слѣдующій планъ: Когда въ концѣ 1905 г. должны будутъ начаться морскіе маневры, и эскадра подойдетъ къ Тендровскому полуострову, то на одномъ изъ кораблей будетъ пущена сигнальная ракета и матросы тогда должны напасть на офицеровъ, перебить ихъ, а самимъ всей эскадрой идти на Одессу. Здѣсь желали требовать основаніе народной милиціи, организовать народное правленіе. Устроивъ „новые порядки“ въ Одессѣ матросы намѣрены были двинуться къ другимъ гаванямъ по Черному морю. Заго-

воръ этотъ не могъ быть произведеннымъ въ исполненіе, благодаря инценденту, происшедшему 29 іюня н. г. на „Потемкинѣ“. Одинъ изъ вожаковъ возмущенія на „Потемкинѣ“ минный машинистъ-квартирмейстеръ Аѳанасій Матюшенко, даетъ въ одномъ революціонномъ изданіи слѣдующее подробное описаніе событій:

„29 іюня загр. ст. миноносецъ № 267 пошелъ въ Одессу за провизіей. Мы стояли на „Потемкинѣ“ въ Тендровскомъ заливѣ. Около 10 часовъ миноносецъ вернулся изъ Одессы. Забрали провизію на корабль, хлѣбъ положили на обыкновенное мѣсто, капусту и картошку на палубу. Такъ какъ было уже $10^1/_2$ часовъ вечера, то для чистки картошки взято было все вахтенное отдѣленіе, которое почистило ее до смѣны вахты. Мясо было повѣшено на крючкахъ на спардекѣ. Въ 5 часовъ утра команда встала, умылась, одѣлась и начала скатывать палубу на всемъ кораблѣ. Въ это время кто-то изъ матросовъ замѣтилъ въ мясѣ червей и сообщилъ объ этомъ товарищамъ. Матросы начали толпиться около мяса, послышался ропотъ, что офицеры подлецы, что не обращаютъ вниманія на пищу солдатъ, что надо позвать доктора и выбросить мясо за бортъ. Командиръ „Потемкина“ увидавъ волненіе команды, позвалъ доктора Смирнова, который заявилъ, что мясо хорошее, что надо только червей смыть и мясо тогда будетъ от-

личное. Тогда командиръ судна Евгеній Коликовъ приказалъ поставить возлѣ мяса дневальнаго и записывать всѣхъ тѣхъ, кто придетъ смотрѣть на мясо. Команда, зная хорошо капитана Голикова, боялась подходить къ мясу. Среди матросовъ были слышны замѣчанія „какъ теперь служить, какъ воевать, когда въ Японіи плѣннымъ живется лучше, чѣмъ намъ“. До обѣда команда была встревожена, когда раздался сигналъ идти на обѣдъ, то матросы не дотронулись до борща.

Заходитъ въ камбузъ Гиляровскій и спрашиваетъ кока Ивана Данилюка: „Ты почему не даешь командѣ обѣдать?“. Данилюкъ отвѣчаетъ: „Команда не хочетъ кушать борщу, а проситъ, чтобы сварить чаю и дали масла“. Въ это время входитъ командиръ Голиковъ и спрашиваетъ: „Въ чемъ дѣло?“ Гиляровскій отвѣчаетъ: „Команда не хочетъ обѣдать этого борщу“. Командиръ спрашиваетъ: „ребята, отчего вы не кушаете борщу? Въ толпѣ матросовъ отвѣчаютъ: Кушай самъ, а мы будемъ кушать воду и хлѣбъ“. Голиковъ приказалъ бить сборъ. Забили тревогу. Команда — вся какъ одинъ человѣкъ — пошла на ютъ и стала во фронтъ. Вышелъ старшій офицеръ, потомъ вышелъ командиръ; скомандовали: „смирно“. Командиръ сталъ на буксирный кнехтъ и обратился къ командѣ съ такой рѣчью: „я неоднократно говорилъ, что такіе безпорядки

на военномъ кораблѣ недопустимы: за это вѣшаютъ вашего брата вонъ тамъ", — при этомъ онъ показалъ на шокъ. „Ребята, кто хочетъ кушать борщъ, выйди сюда!" Боцманы и нѣкоторые унтерофицеры вышли и стали по траверзу корабля. Командиръ, видя, что команда стоитъ на мѣстѣ, скомандовалъ: „караулъ наверхъ". Черезъ минуту караулъ сталъ на мѣсто. Команда струсила и вся перешла въ кучку къ башнѣ. Старшій офицеръ, видя, что команда туда перебѣгаетъ, кричитъ: „Довольно!" — и, вмѣстѣ съ вахтеннымъ офицоромъ, не пустили смѣшаться съ остальной командой и приказалъ караулу оцѣпить оставшуюся часть команды и переписать. Команда стояла блѣдная и страшно напряженная, видя своихъ товарищей оцѣпленными карауломъ. Старшій офицеръ кричитъ: Боцманъ, давай брезентъ!" Это для того, чтобы накрыть команду брезентомъ и по ней стрѣлять. Тутъ раздается крикъ: „Братцы, что они дѣлаютъ съ нашими товарищами? Забирай винтовки и патроны! Бей ихъ хамовъ!" Это сказалъ матросъ Х. Тутъ только этого и надо было: команда вся бросилась въ батарейную палубу, забрала винтовки; но патроновъ не было. Подняли крикъ: „Давай скорѣе патроновъ!" Нашли патроны, зарядили ружья и идутъ обратно на ютъ освободить товарищей. По траверзу судна стоялъ судовой караулъ и три офицера командиръ Го-

ликовъ, старшій офицеръ Гиляровскій и старшій артиллеристъ Неупокоевъ. Командиръ спрашиваетъ: кто тамъ команду бунтуетъ?“ Гиляровскій отвѣчаетъ: Это — я знаю — сволочь Х.“ А въ батареѣ гремитъ могучее „ура“ „Да здравствуетъ свобода“! „Долой войну!“ „Долой самодержавіе!“ Въ это время командиръ говоритъ матросу Х.: „Что тебѣ нужно? Поставь ружье! Матросъ Х. отвѣчаетъ: „Я брошу тогда ружье, когда я буду не живымъ существомъ, а трупомъ. Уходи съ корабля, — это корабль народа, а не твой!“ Командиръ куда-то ушелъ, не знаю. Въ это время матросу Х. и Вакулинчуку (а не Омельчуку, какъ это писалось во многихъ газетахъ) дали патроновъ. Гиляроккій и Неупокоевъ, видя, что Вакулинчукъ и Х. зарядили ружья, побѣжали на ютъ, гдѣ стоялъ часовой у флага. Матросъ Х. побѣжалъ за Неупокоевымъ и на бѣгу почти выстрѣлилъ въ Неупокоева, который упалъ съ простр ѣленной головой за адмиральскій броневой люкъ.

Матросъ Х. бросилъ винтовку, взялъ Неупокоева за ноги и выбросилъ за бортъ; потомъ схватилъ винтовку и побѣжалъ искать Гиляровскаго. Забѣжалъ въ башню, тамъ стоитъ Гиляровскій съ винтовкой и лежитъ Вакуленчукъ, обливаясь кровью. Х. далъ по Гиляровскому выстрѣлъ, но получилась осѣчка или промахъ.

Тѣмъ временемъ Гиляровскій стрѣляетъ по Х., а самъ кругомъ башни убѣжалъ. Матросъ Х. бѣжитъ за нимъ. Гиляровскій кричитъ часовому: „Бей его!“ Часовой бросаетъ ружье, а самъ убѣгаетъ въ баттарейную палубу. Гиляровскій хватаетъ ружье и стрѣляетъ по часовому и, вмѣстѣ съ тѣмъ, падаетъ на бокъ. Видя стрѣлявшаго въ него матроса Х., кричитъ: я тебя знаю подлецъ; ты теперь пойдешь на берегъ; я тебѣ задамъ! Матросъ Х. отвѣчаетъ: я теперь тебя самого пошлю юнгой къ Макарову!“ При этихъ словахъ Гиляровскій летитъ за бортъ. Въ этотъ моментъ представилась ужасная и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественная картина: 800 человѣкъ кричатъ: „Смерть тиранамъ! Да здравствуетъ свобода!“ Залпы трещатъ по уплывающимъ офицерамъ, которые плыли на миноносцѣ № 267.

Въ это время выходитъ минный офицеръ лейтенантъ Вильгельмъ Тонъ. Команда закричала: „За бортъ его!“ Онъ, увидя матроса Х., говоритъ ему: „я хочу съ тобой переговорить“. Матросъ проситъ команду отойти и самъ отходитъ съ Тономъ къ башнѣ. Тотъ выхватываетъ револьверъ и стрѣляетъ въ Х. Пуля прошла мимо Х. и попала въ руку близъ стоявшаго матроса. Другая пуля сдѣлала царапину у праваго виска Х. Тогда этотъ послѣдній стрѣляетъ въ Тона и онъ падаетъ на палубу. Въ него

дали залпъ еще человѣкъ десять и Тонъ сталъ бездыханнымъ трупомъ. „За бортъ его“ — закричала команда, и Тонъ пошелъ за бортъ. Команда закричала матросу Х.: „Командиръ здѣсь. Давай его сюда!“ Командиръ былъ въ адмиральскомъ помѣщеніи и навѣрно хотѣлъ броситься за бортъ, но, видя безполезность такой попытки, вышелъ на палубу, имѣя на себѣ только китель. Входя по трапу на палубу, онъ говорилъ: „Ахъ, я старый дуракъ, что я съ командой сдѣлалъ“. Вышелъ на верхнюю палубу обхватилъ Х. и говоритъ: „Великій я грѣшникъ передъ командой — прости братецъ!„ Команда закричала: „Долго возиться — пулю въ лобъ“. Его повели на ютъ и тутъ раздался залпъ. Въ это время доплывшіе до миноносца офицеры снялись съ якоря и хотѣли уйти въ Севастополь. Тогда Х. приказалъ зарядить 47 м./м. пушку и дать выстрѣлъ по миноносцу. Послѣ выстрѣла миноносецъ подошелъ къ „Потемкину“.

Съ него сняли офицеровъ лейтенанта Клодина, мичмановъ Вахтина, Макарова. Команда кричала: Смерть Макарову! За бортъ ихъ всѣхъ! Но тутъ вмѣшались истинные борцы за народъ и свободу и они сказали: Довольно крови! Теперь корабль въ нашихъ рукахъ; эти твари намъ не опасны! Въ это время къ матросу Х. приводятъ младшаго доктора Голенка, котораго нашелъ минный машинистъ Кулишевъ подъ

цистернами „Куда его, чорта, дѣть?“ спрашиваютъ — „Подъ арестъ его въ каютъ-кампанію!“ Черезъ 10 минутъ опять ведутъ полковника изъ Обуховскаго завода, который пріѣхалъ сюда для артиллерійскихъ испытаній. — „Гдѣ вы его взяли? — „Въ гардеробномъ ящикѣ. Насилу оттуда его вытащили! — Арестовали и этого. Потомъ выходитъ прапорщикъ Алексѣевъ и говоритъ: „Братцы, не бейте меня, — я вѣдь такой же матросъ какъ и вы!“ Команда закричала: „Тебя никто не убьетъ, если ты насъ приведешь въ Одессу!“ Потомъ замѣтили еще двухъ офицеровъ, которые были на щитѣ для стрѣльбы, находившемся въ разстояніи кабельтова отъ корабля. Тамъ были инженеръ-механикъ Александръ Коваленко и вольный инженеръ изъ Николаевскаго завода Александръ Харкевичъ. Когда команда увидала Коваленко, то она особенно машинная команда, просила не трогать его, потому, что онъ хорошій человѣкъ. Но все таки всѣхъ арестовали. Потомъ арестованы были: мичманы Макаровъ, Вахитинъ, инж.-мех. Заушкевичъ, Назаровъ, Калюжный, д-ръ Голенко, подполковникъ Цвѣтковъ, инж. Харкевичъ, прапорщики: Алексѣевъ, Ястребцовъ, Клодтъ, инж. Коваленко. Старшій врачъ Смирновъ застрѣлился. Лейтенантъ Григорьевъ выбросился за бортъ. Убиты: командиръ броненосца Евгеній Голиковъ, старшій офицеръ Ипполитъ Гиляров-

скій, старшій артиллеристъ лейтенантъ Неупокоевъ, старшій минный офицеръ лейтенантъ Вильгельмъ Тонъ, старшій врачъ Сергѣй Смирновъ, лейтенантъ Григорьевъ и прапорщикъ Ливенцовъ. Судовой попъ остался въ живыхъ.

Захвативъ корабль въ свои руки матросы выбрали особый „комитетъ“, которому поручили управленіе „Потемкинымъ“ и затѣмъ рѣшили раньше намѣченный планъ привести въ исполненіе, отправиться въ Одессу и здѣсь предать землѣ тѣло убитаго офицеромъ матроса. Въ тотъ же день вечеромъ „Потемкинъ“ прибылъ въ Одессу и вскорѣ на Новомъ молу былъ выставленъ трупъ убитаго, на груди котораго было прикрѣплено слѣдующее воззваніе:

Господа Одесситы! Передъ вами лежитъ тѣло звѣрски убитаго матроса Григорія Вакулинчика, убитаго старшимъ офицеромъ эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ за то, что Вакулинчикъ заявилъ, что „борщъ не годится“. Осѣнимъ себя крестнымъ знаменіемъ и скажемъ: „миръ праху его!“ Отомстимъ кровожаднымъ вампирамъ! Смерть угнетателямъ! Смерть кровопійцамъ! Да здравствуетъ свобода! Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“. „Одинъ за всѣхъ — всѣ за одного!“

Слухъ о возмущеніи матросовъ и объ убитомъ матросѣ съ быстротой молніи распростра-

нился по всей Одессѣ и вскорѣ Новый молъ покрылся густой толпой народа. Публика бросала въ стоящую при изголовьи убитаго копилку деньги на похороны Вакулинчика.

На другое утро къ матросамъ явились чины высшей администраціи и потребовали выдачи трупа. Матросы отвѣтили, что тѣло принадлежитъ народу и что только послѣдній можетъ распоряжаться имъ. Когда прибыли казаки, то организація матросовъ „Потемкина“ прислала имъ слѣд. прокламацію:

„Матросы „князя Потемкина“ обращаются къ вамъ, казаки и солдаты, складывайте всѣ оружіе и дайте всѣ — подъ общей кровлей — завоюемъ свободу всему народу. Мирныхъ же жителей Одессы просимъ выѣхать подальше, такъ какъ въ случаѣ принятіи противъ насъ насильственныхъ мѣръ, мы превратимъ Одессу въ груду камней“.

Одновременно французскому консулу въ Одессѣ было сдѣлано слѣдующее заявленіе:

Его Высокопревосходительству Французскому Консулу. Отъ броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“.

Почтеннѣйшая публика г. Одессы. Командой броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ сегодня 15 іюня было съ корабля свезено мертвое тѣло, которое и было передано въ распоряженіе рабочей партіи для преданія землѣ по

обычному обряду. Послѣ чего, пройдя нѣсколько времени, была прислана этими рабочими на корабль шлюпка, что и заявила: стражу, стоящую у мертваго тѣла, казаки разогнали. Тѣло оставлено безъ надзора. Команда броненосца проситъ публику г. Одессы: 1. не дѣлать препятствія въ погребеніи матроса съ корабля; 2. учредить общее со стороны публики наблюденіе за правилами; 3. требовать отъ полиціи, а также и казаковъ, прекратить свои напрасные набѣги, почему это все безполезно; 4. не противодѣйствовать доставленію необходимыхъ продуктовъ для команды броненосца рабочей партіей; 5. команда проситъ публику города Одессы о выполненіи всѣхъ перечисленныхъ выше требованій. Въ случаѣ, если во всемъ этомъ будетъ отказано, то команда должна будетъ прибѣгнуть къ слѣдующимъ мѣрамъ: будетъ произведена по городу орудійная стрѣльба изо всѣхъ орудій. Почему команда предупреждаетъ публику и въ случаѣ возникновенія стрѣльбы, проситъ удалиться изъ города тѣхъ, которые не желаютъ участвовать въ противодѣйствіи. Кромѣ того, къ намъ ожидается помощь изъ Севастополя дтя этой цѣли — нѣсколько броненосцевъ, и тогда будетъ хуже.

Помимо этого съ эскадры броненосца были посланы представителямъ европейскихъ державъ письма съ слѣд. содержаніемъ:

Ко всѣмъ европейскимъ державамъ.

Команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ начала рѣшительную борьбу противъ самодержавія. Оповѣщая объ этомъ всѣ европейскія правительства, мы считаемъ своимъ долгомъ заявить, что мы гарантируемъ полную неприкосновенность всѣмъ иностраннымъ судамъ, плывущимъ по Черному морю и всѣмъ иностраннымъ портамъ здѣсь находящимся.

Команда эскадры броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“.

Одесская революціонная организація обратилась съ прокламаціей къ населенію, въ которой требовала, чтобы жители начали борьбу противъ самодержавія. Вообще настроеніе въ городѣ чрезвычайно приподнятое, нервное. Когда въ Севастополѣ распространился слухъ о бунтѣ на „Потемкинѣ“, то адмиралъ Кригеръ собралъ немедленно военный совѣтъ, на которомъ рѣшено было соединенной эскадрой идти въ Одессу и пустить ко дну броненосецъ со всѣмъ экипажемъ. Несмотря на строго принятые мѣры матросы всетаки узнали о мѣрахъ, которые рѣшили на военномъ совѣтѣ и когда въ Пятницу Черноморская эскадра приблизилась къ Одессѣ, то матросы ея прикрѣпили въ разныхъ мѣстахъ своихъ кораблей записки, въ которыхъ заявляли адмиралу Кригеру, что онѣ не допустятъ, чтобы въ „Потемкинъ“ стрѣляли. Адмиралъ Кригеръ

прибывши въ Одессу сигнализировалъ „Потемкину“, чтобы онъ присоединился къ эскадрѣ. Отвѣтъ „Потемкина“ гласилъ: „*Просимъ адмирала пожаловать къ намъ на бортъ*“ и въ то же время „Потемкинъ“ сталъ въ боевую позицію. Адмиралъ Кригеръ замѣтилъ на кораблѣ около 30 лицъ въ штатскомъ. Тогда Кригеръ подалъ сигналъ „Ѣдемъ Севастополь!“ „Потемкинъ“ отвѣтилъ: „*Мы остаемся здѣсь!*“ Въ то же время съ „Георгія Побѣдоносца“ подали сигналъ: „У насъ испорчена машина!“ И на приказъ ѣхать въ Севастополь отвѣтили тоже: „*Мы остаемся здѣсь!*“ И крейсеръ „Георгій Побѣдоносецъ“ сталъ рядомъ съ „Потемкинымъ“. Вскорѣ на „Георгіѣ Побѣдоносцѣ“ подняли сигналъ „Мы желаемъ высадить офицеровъ“. Это былъ послѣдній сигналъ, который былъ данъ Черноморской эскадрѣ. Адмиралъ Кригеръ, боясь возмущенія среди другихъ матросовъ, отдалъ приказъ вернуться въ Севастополь.

Прекрасное стихотвореніе, приводимое мною ниже, написалъ по этому поводу извѣстный нѣмецкій поэтъ Карлъ Генкель.

„Пустить безъ пощады ко дну бунтарей!“
Гремитъ адмиральскій приказъ.
„Иль дожили мы до невиданныхъ дней,
И власти не стало у насъ?
Нѣтъ, полно! Еще намъ не вышелъ чередъ,
Еще намъ далеко до смѣны!...“
И пышетъ эскадра, дымитъ и плыветъ—
Карать преступленье измѣны.

Клокочетъ, вздымаясь надъ бортомъ, волна,
И съ каждымъ паденьемъ зыбей
Душа адмирала сильнѣй смущена,
Лицо все блѣдней и блѣднѣй,
Съ тоскою безсильной онъ чуетъ—вокругъ
Зловѣщее зрѣетъ рѣшенье,
И зрѣетъ, и рѣетъ надъ флотомъ, какъ духъ,
Какъ совѣсти грѣшной видѣнье...

Пора... Ужъ Одесская гавань вдали
Бѣлѣется смутнымъ кольцомъ...
Дымится „Потемкинъ“... „Къ орудіямъ!... Пли!..“
Ни звука... Молчанье кругомъ..
. . . . . .
Ни флота!.. Ни пушекъ!.. Ни войскъ!.. Ни царя!..
И съ мракомъ испуганнымъ споря,
Кровавой свободы пылаетъ заря
Надъ бездною Чернаго моря.

На „Потемкинѣ“ какъ уже отмѣчено, былъ избранъ комитетъ, который взялъ на себя руководство дѣятельностью броненосца.

Комитетъ этотъ состоялъ изъ 25 матросовъ и кромѣ того въ него вошли еще 5 представителей отъ одесскихъ соціалдемократическихъ организацій. Комитетъ устроилъ прежде всего засѣданіе, на которомъ рѣшено было запастись углемъ, провіантомъ и водой. Почти цѣлый день къ „Потемкину“ приставали лодки, баркасы, которые снабжали команду всякаго рода провизіей. Когда наступилъ вечеръ, то матросы на „Потемкинѣ“ замѣтили небольшое военное судно „Вѣха“. Тотчасъ же съ „Потемкина“ отданъ былъ приказъ остановиться и когда явился на „Потемкинѣ“ командиръ „Вѣхи“ съ рапортомъ, то онъ

былъ арестованъ. Точно также были арестованы и прочіе офицеры „Вѣхи“. Матросы заявили арестованнымъ офицерамъ происшедше и присвоивъ „Вѣху“ (оно было превращено въ госпиталь) удалили офицеровъ съ „Потемкина“ сорвавъ съ нихъ погоны и давъ имъ на дорогу 100 рублей.

„Комитетъ“, управлявшій „Потемкинымъ“, желая ознакомить общество съ ходомъ вещей обнародовалъ слѣдующую прокламацію:

Ко всему цивилизованному міру.

Граждане всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ! Передъ вашими глазами происходитъ грандіозная картина великой освободительной борьбы: угнетенный и порабощенный русскій народъ не вынесъ вѣкового гнета и своеволія деспотическаго самодержавія.

Разореніе, нищета и безправіе, до котораго русское правительство довело многострадальную Россію, переполнили чашу терпѣнія трудящихся массъ. По всѣмъ городамъ и селамъ вспыхнулъ уже пожаръ народнаго возмущенія и негодованія. Могучій крикъ многомилліонной русской груди — долой рабскія цѣпи деспотизма и да здравствуетъ свобода! — какъ громъ раскатился по всей необъятной Россіи.

Но царское правительство рѣшило, что лучше утопить страну въ народной крови, чѣмъ дать ей свободу и лучшую жизнь. И невинная

кровь самоотверженныхъ борцовъ полилась цѣлыми потоками по всей родинѣ.

Однако, обезумѣвшее самодержавіе забыло одно, что темная и забитая армія — это сильное орудіе его кровавыхъ замысловъ — есть тотъ же самый народъ, есть тѣ же самые сыны трудящихся массъ, которые рѣшили добиваться свободы. И армія рано или поздно пойметъ это и сброситъ, наконецъ, съ себя позорное пятно палачей своихъ же отцовъ и братьевъ. И вотъ мы, команда эскадреннаго броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій", рѣшительно и единодушно дѣлаемъ этотъ первый великій шагъ. Пусть всѣ тѣ братскія жертвы рабочихъ и крестьянъ, которыя пали отъ солдатскихъ пуль и штыковъ на улицахъ и поляхъ нашей родины, снимутъ съ насъ свое проклятіе, какъ съ ихъ убійцъ.

Нѣтъ, мы не убійцы, мы не палачи своего народа, а защитники его. И нашъ общій девизъ — смерть или свобода для всего русскаго народа! Мы требуемъ немедленной пріостановки безсмысленнаго кровопролитія на поляхъ далекой Манчжуріи. Мы требуемъ непремѣннаго созыва Всенароднаго Учредительнаго Собранія на основѣ всеобщаго прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права. За эти требованія мы единодушно готовы, вмѣстѣ съ нашимъ броненосцемъ, пасть въ бою или выиграть побѣду.

Мы глубоко увѣрены, что честные и трудящіеся граждане всѣхъ странъ и всѣхъ народовъ откликнутся горячимъ сочувствіемъ нашей великой борьбѣ за свободу.

Долой самодержавіе! Да здравствуетъ Учредительное Собраніе:

Команда эскадры броненосца „Князь Потемкинъ Таврическій“ и миноносца № 267.

(Печать броненосца).

Между тѣмъ въ городѣ настроеніе толпы и рабочихъ становилось все безпокойнѣе. Рабочіе партіи рѣшили высказать свои симпатіи бастующимъ матросамъ и около тѣла убитаго ораторы произносили антиправительственныя рѣчи. Рѣчи эти сопровождались возгласами. „*Смерть убійцамъ! Слава погибшему!*“ Послѣ обѣда босяки начали грабить монополію и винные склады. Разгромъ принялъ особенно большіе размѣры послѣ рѣчи какого-то господина, который обратился къ народу съ слѣдующими словами:

Товарищи, — вы голы? — Толпа отвѣчаетъ; „голы, голы“ — Вотъ продолжаетъ онъ — лежатъ склады одежды, созданные вашимъ трудомъ и вамъ принадлежащіе... Товарищи, вы голодны? — „Голодны, голодны“ — отвѣчаетъ толпа и „ораторъ“ снова указываетъ на склады...

Намекъ былъ прекрасно понятъ и вскорѣ начался возмутительный грабежъ, закончившійся поджогомъ портовыхъ построекъ. Красное пламя

освѣтила портъ и наполнила сердца жителей ужасомъ. Въ эту ночь почти никто въ городѣ не спалъ и каждый горожанинъ жилъ только мыслей поскорѣй вырваться изъ осажденнаго города и спасти свою жизнь. Въ портъ для подавленія безпорядковъ были отправлены войска и вскорѣ послышались залпы. Общее число убитыхъ достигло въ этотъ день 1000, раненныхъ 2600 человѣкъ.

Въ разныхъ частяхъ города были устроены барикады и рабочія организаціи рѣшили бороться до послѣдней капли крови. Соціалдемократическая партія рѣшила предложить матросамъ выйти матросамъ на берегъ съ оружіемъ и затѣмъ соединенными силами сначала устроить пострадавшему герою—страдальцу торжественные похороны, а затѣмъ отправиться на Думскую площадь и оттуда двинуться въ городъ, разрушить телефонъ, телеграфъ, желѣзную дорогу, словомъ захватить Одессу въ свои руки и затѣмъ начать по всему побережью Чернаго моря правильную кампанію противъ самодержавнаго режима. Агитація велась революціонерами и среди войскъ и нельзя сказать, чтобы не безъ успѣха. Революціонныя газеты сообщаютъ, что во многихъ полкахъ рѣшено было не стрѣлять. Настроеніе было для революціоннаго движенія вполнѣ благопріятное. Въ теченіе дня въ разныхъ мѣстахъ были брошены въ казачьи патрули — бомбы,

причемъ убито было нѣсколько казаковъ и прохожихъ.

Похороны Вакулинчика состоялись въ четвергъ въ 3 часа пополудни. Собралась 10 тысячная толпа. Одновременно съ „Потемкина“ прибыла депутація изъ 12 матросовъ, которая несла гробъ любимаго товарища на рукахъ до самаго кладбища. На кладбищѣ была устроена громадная антиправительственная манифестація. На похоронахъ присутствовали представители всѣхъ революціонныхъ кружковъ Одессы. Передъ тѣломъ были произнесены рѣчи, въ которыхъ народъ призывался къ борьбѣ съ самодержавіемъ. Курьезно отмѣтить, что на всемъ своемъ протяженіи процессія не встрѣтила ни одного полицейскаго. Полиціи, какъ будто не было и надо полагать, что полицейскіе чины въ страхѣ передъ народнымъ судомъ въ „постыдный обратились бѣгъ“. Передъ похоронами, „комитетъ“ на „Потемкинѣ“ посредствомъ сигналовъ сообщилъ полиціи, что если она не разрѣшитъ устроить похороны или приметъ какіе-либо насильственныя мѣры противъ депутатовъ, то немедленно съ броненосца начнутъ бомбардировать городъ. По окончаніи похоронъ на кладбищѣ появились казаки, полицейскіе, которые разогнавъ толпу, арестовали матросовъ съ „Потемкина“. Но арестъ ихъ былъ непродолжительный. Когда на „Потемкинѣ“ увидали, что товарищи не возвращаются

къ назначенному часу, то была собрана вся команда и устроено экстренное засѣданіе. На этомъ собраніи присутствовали и представители Одесскихъ соціалдемократическихъ партій.

Въ 5 часовъ надъ Одессой прогремѣлъ первый пушечный выстрѣлъ. Первые 3 выстрѣла были пущены холостыми, остальные боевыми снарядами. Выстрѣлы были направлены на театръ, домъ главнокомандующаго, въ куполъ собора. Выстрѣлами былъ поврежденъ домъ Фельдмана на Нѣжинской, куполъ собора, при чемъ убито нѣсколько человѣкъ. Эти выстрѣлы имѣли послѣдствіемъ, что администрація поспѣшила освободить арестованныхъ матросовъ, которые не преминули возвратиться на броненосецъ. Узнавъ отъ прибывшихъ, что выстрѣлами было убито нѣсколько невинныхъ, комитетъ рѣшилъ прекратить бомбардировку и пославъ депутацію къ главнокомандующему потребовалъ прекращенія народнаго избіенія, освобожденія всѣхъ политическихъ изъ тюрьмы и разоруженія войскъ. Однако, командующій войсками не пожелалъ лично разговаривать съ депутатами, а передалъ лишь черезъ своего полковника, что „богъ и людя намъ судья“ и что онъ не желаетъ вести никакихъ разговоровъ.

Тогда депутаты вернулись обратно на „Потемкинѣ“. Въ виду отсутствія на кораблѣ точнаго плана города и неизвѣстности расположенія

войскъ — потемкинцы рѣшили придерживаться выжидательной политики. Въ это время команда „Потемкина“ получила тайное извѣстіе, что эскадры Кригера находятся вблизи и дѣйствительно 17 русскаго стиля вдали на горизонтѣ — показалась 5 броненосцевъ и цѣлый отрядъ миноносокъ. Инцендентъ происшедшій съ „Георгіемъ Побѣдоносцемъ“, при встрѣчѣ съ „Потемкинымъ“ разсказанъ уже мною раньше. Отмѣчу только рѣчь депутата Одесской соціалдемократ. партіи, произнесенную къ командѣ „Георгія Побѣдоносца“ и обращенную преимущественно къ офицерамъ.

„Измученный, забитый и безправный, сказалъ депутатъ, трудящійся людъ не находитъ больше терпѣнія сносить свое вѣковое униженіе и безправіе. Онъ предпочитаетъ лучше выходить на улицы городовъ и деревень и умирать отъ руки своихъ же сыновей и братьевъ, переодѣтыхъ въ солдатскіе наряды и направляемыхъ на него деспотическими тиранами, истерзавшими своей кровожадностью всю нашу матушку Русь.

Неужели же мы и дальше будемъ слѣпыми палачами самихъ себя, неужели мы никогда честной смертью не смоемъ проклятья, тяготѣющаго надъ нами, какъ братоубійцами?

Нѣтъ, мы матросы „Потемкина“ рѣшили стряхнуть съ себя это тяжелое ярмо убійцы своего же народа. Мы открыто заявляемъ объ этомъ, и отнынѣ мы не только не прольемъ ни

одной капли невинной крови нашихъ братьевъ, но и никому не позволимъ проливать ее безнаказанно"...

Взрывъ энтузіазма и буря восторженныхъ криковъ заглушили голосъ товарища.

„Вы, гг. офицеры, продолжалъ тов. Кириллъ, послѣ минутнаго перерыва, обращаясь ко всѣмъ офицерамъ, собравшимся въ волненіи плотной кучкой около рубки.

Вы, — продажные слуги народныхъ тирановъ и слѣпое орудіе ихъ кровавыхъ замысловъ.

Много невинной крови лежитъ на вашей зачерствѣлой совѣсти.

Но теперь пришелъ часъ народнаго суда. Ваша роль сыграна. Вы служили старому порядку деспотическаго самодержавія въ качествѣ наемныхъ холоповъ царя и его сподвижниковъ. Но теперь на смѣну ему грозно и неумолимо надвигается новый порядокъ, порядокъ народной свободы и обновленія всей обветшалой родины. Этотъ часъ для насъ уже наступилъ и вамъ здѣсь теперь не мѣсто. Судно, выстроенное трудомъ и потомъ народнымъ, отнынѣ переходитъ въ его собственныя руки и послужитъ на благо и защиту его, а не на его порабощеніе и унетеніе.

Да здравствуетъ народное освобожденіе! Долой тирановъ!

Именемъ народа всѣ вы немедленно аре-

туетесь". (Тутъ раздался выстрѣлъ и трупъ самоубійцы, миннаго офицера, полетѣлъ съ самаго верху и скрылся въ морской глубинѣ).

Послѣ этого „Григорій Побѣдоносецъ" перешелъ на сторону „Потемкина"... Но матросы „Георгія Побѣдоносца" остались не долго солидарными съ командой „Потемкина".

Въ то время, какъ на „Потемкинѣ" рѣшено было возобновить нападеніе на Одессу и постараться тамъ установить народное правленіе, на „Георгіѣ Побѣдоносцѣ" произошелъ расколъ и началась агитація противъ „Потемкина" и на другое утро „Георгій Побѣдоносецъ" неожиданно снялся съ якоря и хотѣлъ измѣнническимъ образомъ скрыться, но маневръ этотъ былъ замѣченъ съ „Потемкина" и тотъ, давъ залпъ принудилъ его взять направленіе на Одесскій портъ. Впрочемъ къ чести матросовъ „Георгія Побѣдоносца" надо констатировать, что они тотчасъ же отпустили на свободу, находившуюся на броненосцѣ депутацію отъ „Потемкина".

Измѣна „Георгія Побѣдоносца" произвела на команду „Потемкина" деморализирующее вліяніе и мало-по-малу единодушіе, существовавшее до сихъ поръ на броненосцѣ начало понемного разрушаться... Матросы прекрасно поняли, что оставаться дальше у береговъ Одессы, вещь чрезвычайно рискованная и слѣдуя предложенію одного изъ членовъ „комитета" покинули Одессу

и направились къ берегамъ Румыніи. Переходъ изъ Одессы продолжался около 3 дней и за это время команда успѣла кое-какъ оправиться отъ пережитыхъ волненій. 3/20 іюля „Потемкинъ“ прибылъ въ румынскую гавань Констанца. По его прибытіи на броненосецъ явился капитанъ румынскаго флота, начальникъ гарнизона. Матросы встрѣтили его съ подобающими почестями и просили разрѣшеніе запастись провизіей и углемъ. Румынское правительство, не желая начать конфликтъ съ Россіей — отказала матросамъ въ ихъ просьбѣ, но предложили имъ сложить орудіе, покинуть корабль, гарантируя имъ что на нихъ будутъ смотрѣть, какъ на дезертировъ и что они *ни въ коемъ случаѣ* не будутъ выданы Россіи.

На это предложеніе „Потемкинъ“ отвѣтилъ отказомъ и такъ какъ у него былъ еще сравнительно большой запасъ угля, то „комитетъ“ рѣшилъ отправиться обратно въ Россію. 23-го „Потемкинъ“ появился около Ѳеодосіи и сигналами потребовалъ къ себѣ представителей городскаго управленія. Когда тѣ явились, то „комитетъ“ пригласилъ ихъ въ адмиральскую каюту и потребовалъ, чтобы городъ въ теченіе 24-хъ часовъ доставилъ бы на „Потемкинъ“ 500 тоннъ углей, мяса, жиру, скота, воды и т. п. Въ случаѣ неисполненія просьбы заявлено было, что жителямъ Ѳеодосіи прокламаціями будетъ

предложено удалиться изъ города и что онъ будетъ подвергнутъ бомбардировкѣ. Одновременно городскому головѣ предложено было распространить между населеніемъ возваніе, въ которомъ требовалось прекращеніе войны съ Японіей, созывъ народнаго представительства. Городская дума въ экстренномъ засѣданіи рѣшила исполнить всѣ требованія „Потемкинцевъ“, но отказалась снабдить ихъ углемъ. Тогда рѣшено было силой захватить находившуюся въ порту барку съ углемъ. Былъ спущенъ катеръ, на который перешла часть команды, въ томъ числѣ Матюшенко, которые хотѣли перетянуть баржу къ „Потемкину“. Въ это время съ берега раздался выстрѣлъ, которымъ убиты были 2, ранено 3 человѣка. Положеніе „Потемкина“ безъ угля было отчаянное и „комитетъ“ прекрасно сознавалъ, что надо принять какіе либо мѣры, чтобы не попасть въ руки враговъ. Сначала было предполагали взорвать „Потемкинъ“, но потомъ рѣшено было вторично отправиться въ Румынію и отдаться подъ покровительство этого государства.

При вторичномъ прибытіи въ Констанцу „Потемкинъ“ былъ переданъ Румыніи и матросы сложивъ оружіе начали покидать корабль. Первое время они вступили съ нѣкоторымъ недовѣріемъ на почву своей „новой родины“, но когда они увидали, что они здѣсь находятся въ полной безопасности — то ихъ радость не знала

границъ. Часть матросовъ переночевала въ казармахъ, часть у жителей Констанцы. Населеніе относилось чрезвычайно гостепріимно къ матросамъ и высказывало имъ открыто свои симпатіи. Вождь „Потемкина“ Матюшенко распредѣлилъ между матросами, находившіеся въ дежурномъ ящикѣ, деньги 65000 франковъ и такимъ образомъ „Потемкинцы“ имѣли возможность на своей новой родинѣ начать новую, правильную, трудовую жизнь.

Такова въ общихъ чертахъ моего бѣглаго наброска славная, неслыханная еще доселе эпопея храбрыхъ героевъ „Потемкина“. Въ русскомъ флотѣ этотъ первый случай открытаго возмущенія противъ правительства и нельзя сказать, чтобы революціонное движеніе вызванное возстаніемъ „Потемкина“ теперь совершенно заглохло, погасло. Если и теперь временно наступило оффиціально затишье, то повѣрьте, что революціонное движеніе продолжаетъ втайнѣ свою пропаганду и постепенно захватываетъ въ число своихъ сообщниковъ все больше и больше моряковъ и, быть можетъ недалеко то время, когда на корабляхъ Россіи не будетъ развиваться императорскій андреевскій флагъ. а штандартъ, на которомъ будутъ красоваться слова: равенство, свобода и братство!...

И нельзя не согласиться съ превосходной статьей напечатанной въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ „Пролетарія“, гласящей:

„На зарѣ туманной юности европейской буржуазіи, когда мракъ первоначальнаго накопленія озарился привѣтливымъ блескомъ американскаго золота, сложилась легенда о голландскомъ морякѣ, обреченномъ на муки вѣчнаго скитанія. Гонимый и терзаемый злыми демонами буржуазіи, — демонами, возникшими изъ потоковъ крови и слезъ, пролитыхъ ради новаго—божества золота, — злополучный корабль носился по безконечному простору морей, не видя исхода своимъ страданіямъ. Буржуазія свалила на это дѣтище своей фантазіи всю ту гору преступленій и злодѣяній, которая тяготѣла на ея совѣсти, и предала злосчастнаго скитальца проклятію, заслуженному ею самою. Отверженный корабль былъ обреченъ на безсмертіе до тѣхъ поръ, пока какое-нибудь невинное существо не пожертвуетъ ради него своею жизнью. Только тогда снималось съ него проклятіе и онъ могъ найти спасеніе въ гибели. Такъ уже въ колыбели совѣсть буржуазіи пріучалась къ мысли, что ея преступленія должны искупать невинныя жертвы, не обагрившія рукъ въ крови тружениковъ, не отяготившія своей души награбленнымъ золотомъ.

Прошли вѣка и мрачная легенда, пугавшая когда-то суевѣрныхъ моряковъ, воплощенная въ пѣсню и музыку, стала невинной забавой повелителей міра. Летучій голландецъ не тревожитъ больше сна купцовъ и мореплавателей, имъ не

пугаютъ плачущихъ дѣтей въ рыбацкихъ хижинахъ. Разрумяненный и разряженный подвизается онъ на подмосткахъ оперной сцены, гдѣ на холщевыхъ волнахъ качается картонный корабль-призракъ...

Прошли вѣка; разсѣялась какъ сонъ, странная сказка о кораблѣ-скитальцѣ, носившемъ по морямъ бремя преступленій буржуазіи. Но сами эти преступленія остались неискупленными; они накоплялись и росли, ожидая, пока невинная жертва съ чистой душой и незапятанной совѣстью искупить ихъ, чтобы расчистить путь солнечнымъ лучамъ, проложить человѣчеству дорогу въ царство справедливости и счастья.

Рожденный смѣлой мыслію и страстной жаждой свободы появился опять на волнахъ моря корабль-скиталецъ, — не призракъ, не порожденіе неспокойной совѣсти' — нѣтъ, могучій брононосецъ, полный боевой отваги, гордо поднявшій на свободной стихіи красное знамя свободы. И какъ бы въ знакъ того, что онъ пришелъ искупить темное прошлое господствующаго строя, на его бортѣ красовалось ненавистное имя „Князь Потемкинъ Таврическій".

Сколько трагической поэзіи въ судьбѣ этого скитальца, дни и ночи обреченнаго носиться по далекому морю, одинокаго, отрѣзаннаго отъ друзей, преслѣдуемаго врагами. Зловѣще смотрятъ убійственныя жерла пушекъ, день и ночь стоитъ

на часахъ зоркая стража, каждую минуту готова команда итти въ бой, — врагъ не рѣшается подойти къ этой плавучей крѣпости, — нѣтъ пріюта отважнымъ: берегъ враждебно отталкиваетъ ихъ отъ себя, грозя гибелью, и только море, не знающее цѣпей рабства, протягиваетъ братскія объятія этимъ борцамъ за свободу.

Развѣ не такова же была судьба всей русской революціи? Развѣ въ этомъ кораблѣ-скитальцѣ не отразилась какъ въ символѣ, вся долгая, тяжелая борьба за свободу и счастье обездоленныхъ массъ? Десятки лѣтъ скитались пророки и борцы революціи по пустынному морю, не находя пріюта, одинокіе, отверженные, погибая сотнями подъ бременемъ борьбы и страданій. Какъ легендарный летучій голландецъ, несли они на себѣ проклятіе за чужіе грѣхи. Враги безжалостно травили и преслѣдовали ихъ, измѣна друзей доводили ихъ до отчаянія: а тѣ, ради кого надѣли они на себя терновый вѣнецъ, бѣжали отъ нихъ, какъ отъ прокаженныхъ, полные суевѣрнаго страха, что встрѣча съ кораблемъ-скитальцемъ понесетъ несчастье. Такъ боролись и страдали они долгіе годы эти первыя ласточки революціонной весны, и гибли съ глубокой вѣрой, что прійдетъ день, когда корабль-скиталецъ, при радостныхъ крикахъ народа, войдетъ въ гавань и броситъ наконецъ свой заржавѣвшій якорь.

Правда, и этотъ броненосецъ русской револю-

ціи остается по прежнему кораблемъ-скитальцемъ; правда, и онъ обреченъ еще носиться по морскому простору, и его съ дикой ненавистью отталкиваютъ берега. Но вдали, за рядами враговъ, за жерлами пушекъ, онъ видитъ проходящія стройными рядами толпы друзей-рабочихъ, онъ видитъ красныя знамена, гордо развѣвающіяся по вѣтру; но за воемъ ненависти, летящимъ съ враждебныхъ береговъ, онъ слышитъ радостные возгласы привѣта, гимнъ разгорающейся революціи. И корабль-скиталецъ озаряется радостной надеждой; онъ видитъ, что близокъ мигъ, когда онъ соединится со своими братьями въ дружной борьбѣ за свободу.

Корабль-призракъ старой буржуазной легенды могъ найти искупленіе только въ гибели. И это понятно. Корабль, обремененный всѣми преступленіями и грѣхами буржуазіи; корабль, носившій на себѣ лишь несчастье да проклятье; корабль, которому суждено было снять бремя, давившее совѣсть рыцарей наживы, — могъ исполнить свою задачу, только погибнувъ. Въ таинственной глубинѣ моря должны были навѣки исчезнуть, пропитанные кровью и слезами, преступныя воспомининія.

Корабль-скиталецъ русской революціи исполнитъ свою задачу только побѣдивъ, только одержавъ верхъ въ борьбѣ. Онъ несетъ на себѣ свѣтлыя надежды трудящихся и угнетенныхъ массъ, и этотъ цѣнный грузъ не можетъ поглотить пучина моря. Море вольнолюбиво оно не будетъ

могилой надеждъ революціи. Только побѣдой искупитъ броненосецъ революціи грѣхи существующаго строя и откроетъ путь для свѣтлой борьбы за счастье человѣчества.

Корабль—призракъ старой буржуазной легенды могъ искупить свои грѣхи, могъ погибнуть, только тогда, когда невинное существо пожертвуетъ за него своей жизнью. Торгаши не могли выдумать другого рода искупленія. За ихъ грѣхи, за ихъ преступленія должна быть принесена въ жертву чужая жизнь, жизнь невиннаго существа. Во всѣ времена исторіи насильники и хищники такимѣ образомъ расплачивались за свои злодѣянія.

Корабль-скиталецъ русской революціи можетъ достичь своей цѣли, можетъ одержать побѣду, только принеся въ жертву виновниковъ грѣха и преступленія, — шайку насильниковъ и злодѣевъ. Тѣ, кто въ теченіе столѣтій были жертвами грабежа и насилія, тѣ, кто своею кровью и своими слезами вѣчно искупали прегрѣшенія богатыхъ и сильныхъ, могутъ искупить преступленія существующаго строя, только принеся въ жертву ихъ виновниковъ.

„Князь Потемкинъ Таврическій“ сдался румынскимъ властямъ. Но развѣ это пораженіе революціи? Нѣтъ, вся кампанія этого перваго революціоннаго броненосца была сплошной побѣдой революціи. Развѣ она не открыла безсиліе противника? Развѣ она не разоблачила революціоннаго

броженія въ самой, казалось, прочной опорѣ трона,—флотѣ и арміи? Развѣ она не заставила Николая унижаться до просьбы о помощи у иностранныхъ державъ? Развѣ она не сорвала отрепьевъ порфиры, прикрывающихъ наготу самодержавія? Нѣтъ, не на этомъ одномъ суднѣ покоились надежды русской революціи. Его исторія была лишь однимъ изъ эпизодовъ, — однимъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ ея. Тотъ могучій броненосецъ, которому суждено освободить Россію, корабль-скиталецъ русской революціи — онъ живъ, онъ цѣлъ, грозной громадой надвигается онъ на врага, зловѣще сверкаютъ жерла пушекъ, жаждой боя сгораетъ команда, а высоко въ воздухѣ радостно бьется и трепещетъ красное знамя свободы".

Слова эти знаменательны, характерны и звучатъ погребальнымъ звономъ умирающему, задыхающемуся самодержавію.

Недалекое будущее покажетъ намъ, что движеніе во флотѣ и въ арміи не заглохло, какъ увѣряютъ г.г. Суворины, Крушеваны, Мещерскіе и т. п., а напротивъ усилилось и тогда быть можетъ — надъ матушкой Россіей дѣйствительно покажется первый лучъ той долгожданной свободы, за которую поплатились жизнью лучшіе силы Россіи.

Лондонъ, 25 августа 1905 г.

Антонъ Горемыка.